

ФОРМИРОВАНИЕ ПЛОТНИЦКОГО КОНЦА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ В НОВГОРОДЕ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Средневековый Новгород являлся своеобразной федерацией самоуправляющихся городских районов — концов¹. Общеизвестно, что в Новгороде изначально было лишь три так называемых «старых» конца (Неревский, Людин и Славенский), к которым позднее присоединились еще два — Плотницкий и Загородский. Согласно версии В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, «старые» концы выросли из догородских родовых поселков, потомки старейшин которых впоследствии составили основу новгородского боярства². Что же касается новых концов, то и характер образования их, явно отличающийся от «старых», и время вхождения в городскую федерацию являются предметом обсуждения.

Процесс формирования новых новгородских концов следует рассматривать на основании комплексного анализа археологических данных и информации о социально-политических процессах, происходивших в Новгородской республике. При этом необходимо принимать во внимание специфический состав населения этих районов города.

Археологические данные свидетельствуют о том, что во второй половине XIII в. после длительной стабилизации границы города на Торговой стороне по Плотницкому (Федоровскому) ручью ситуация меняется и территории к северу от него начинают активно осваиваться³. Трудно однозначно ответить на вопрос, что послужило причиной освоения новых земель: демографический взрыв в самом Новгороде или появление большого числа переселенцев из новгородской округи и других русских княжеств, однако, как бы там ни было, но если говорить о формировании Плотницкого конца, то, по-видимому, большое (а может быть, и решающее) значение имел здесь процесс заселения этих «северных территорий» Торговой стороны.

Если следовать версии М. Н. Тихомирова — С. Н. Орлова о том, что Плотницкий и Федоровский ручьи тождественны, а топоним «Плотники» относился в первую очередь к местности к северу от указанной водной преграды⁴, то не исключено, что особая роль в формировании Плотницкого конца принадлежит не издавна обжитым районам близости от его границ со Славно, где более ста лет проживало внекончанское население⁵, а вновь освоенным

¹ Используя здесь и далее по отношению к Новгороду термин «федерация», следует подчеркнуть его условность, поскольку Новгородская республика, строго говоря, отвечала далеко не всем признакам федеративного государства. В частности, принципиальный вопрос о соотношении власти центра и мест, об особой компетенции города и самоуправляющихся концов здесь четко решен не был (Общая теория государства и права. М., 1998. Т. 1. С. 181–182; Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 246–247).

² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61. Вопрос о происхождении новгородского боярства является дискуссионным. Так, например, А. А. Горский, развивая гипотезу А. Е. Преснякова, приходит к выводу, что его основу составила «верхушка дружинной знати Северной Руси и южнорусских дружинников, оседавших в Новгороде в течение X в.» (Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 42–44).

³ Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Новгород, 2004. С. 225–227.

⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 382; Орлов С. Н. К топографии новгородских городских концов // Советская археология (далее — СА). 1965. № 2. С. 92, 96; Дубровин Г. Е. К вопросу о Федоровском ручье в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы научной конференции. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 211–218.

⁵ Здесь имеется в виду территория между северной границей Славенского конца (Ильина улица) и Плотницким (Федоровским) ручьем. Судя по археологическим данным, она начала осваиваться в первое-второе десятилетия XI в., и к началу XII в. местность к югу от ручья была в основном заселена (Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 174–196; Ершевский Б. Д. Археологические наблюдения в Новгороде в 1969–1974 гг. // Там же. С. 229, 232–235; Воронова М. А. Раскопки древней улицы Рогатицы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 16–18; Торопова Е. В., Тарабардина О. А. К вопросу о топографии Плотницкого конца в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 11–14; Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги. С. 224–233).

территориям за ручьем. Видимо, в процессе образования этого «молодого» новгородского конца могли особенно активно проявить себя новые поселенцы, среди которых, вероятно, уже тогда были представлены и прусские бояре.

60–70-ми годами XIII в. датируются на Андреевском раскопе, располагавшемся к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, самые ранние ярусы мостовых Плотницкой Пробойной и Молотковской улиц, а также остатки первоначальной застройки на прилегающих к ним усадьбах. Весьма показательны, что ранние ярусы уличных мостовых имеют здесь уже традиционную для городских улиц конструкцию (три продольные лаги и уложенные на них поперечные плахи), а сами мостовые появляются немного раньше регулярной усадебной застройки⁶. Все это может свидетельствовать об организованном освоении исследованной территории и, что особенно важно, о городском характере этого освоения (т. е. о включении ее сразу в городскую черту)⁷. Показателен также сравнительно невысокий имущественно-социальный уровень первопоселенцев⁸.

Следует отметить, что земли к северу от ручья заселялись отнюдь не равномерно. Так, для соответствующего 10–20(?)-м годам XIV в. первоначального периода застройки Никитинского раскопа (располагавшегося в 300 м к юго-западу от Андреевского) характерны очень невыразительные остатки отдельных временных нежилых сооружений, никак не вяжущихся с ориентированной на трассы Никитиной и Маницыной улиц регулярной усадебной застройкой, появившейся здесь только к середине XIV в., по-видимому, одновременно с первыми уличными настилами на этом участке⁹.

Правда, здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, местность, исследованная на Никитинском раскопе, была плохо приспособлена для жизни. Археологические данные и информация по палеорельефу свидетельствуют о том, что здесь была низина, периодически подтапливаемая во время паводков. Во-вторых, судя по наличию в предматериковых напластованиях раскопа (при отсутствии каких-либо следов застройки) вещевого материала, который может датироваться в пределах XIII в., т. е. в том числе и домонгольским временем, не исключено, что рядом с территорией раскопа (предположительно к востоку от него, где наблюдалось повышение палеорельефа) находился какой-то относительно ранний для этого района поселенческий объект, например поселок догородского типа, может быть, схожий с теми, которые, по-видимому, располагались около Михалицкого, Антониева¹⁰ и, судя по материалам Борисоглебского раскопа¹¹, Евфимьина монастырей.

Характерно, что вскоре после первых мостовых Пробойной и Молотковской улиц, зафиксированных на Андреевском раскопе, появляется первое регулярное замощение традиционного городского типа и на исследованной на Федоровском раскопе Коржевой улице, располагавшейся на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья (начало 80-х годов XIII в.)¹².

⁶ Степанов А. М., Соловьев Д. И., Тихонов П. И. Андреевский II раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика усадебной застройки) // Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Новгород, 2004. С. 280–288.

⁷ Что не исключает существования к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья отдельных поселков догородского типа (см. ниже).

⁸ Степанов А. М., Соловьев Д. И., Тихонов П. И. Андреевский II раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика усадебной застройки). С. 288.

⁹ Мостовые Никитиной и Маницыной улиц, к сожалению, оказались за территорией раскопа.

¹⁰ Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы научной конференции. Новгород, 2005. Вып. 19. С. 23–25. См. также: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 198–200; Житие св. Антония Римлянина // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13 URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10572> (поселок Волховский).

¹¹ Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В. Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы научной конференции, посвященной 80-летию академика В. Л. Янина. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 62–79.

¹² Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги. С. 227–229.

Таким образом, археологические источники свидетельствуют о том, что с 60–70-х годов (?) XIII в. начинается регулярное городское освоение местности к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, а к 80-м годам и улицы в районе бывшей северной границы города (Коржева) получают наконец стандартное городское замощение¹³.

Все это можно рассматривать как доказательство того, что по мере освоения земель к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья к 80-м годам XIII в. складываются предпосылки для проведения централизованных мероприятий по благоустройству территории в том числе и к югу от ручья, т. е. проводятся единые организованные акции¹⁴, которые, по-видимому, могла осуществить общая для всей этой местности администрация — администрация нового Плотницкого конца, который, в принципе, мог оформиться уже в 80-е годы XIII в. (эту дату можно считать самой ранней из возможных¹⁵).

В результате появления во второй половине XIII в. поселенческого массива к северу от Плотницкого ручья на Торговой стороне складывается новая ситуация, когда «старому» Славенскому концу противопоставляется превосходивший его и по площади, и по числу жителей своеобразный «внекончанский противовес», включивший в себя как население, традиционно проживавшее на территории к югу от Славна до Плотницкого (Федоровского) ручья, так и новых поселенцев, обосновавшихся за ручьем.

Среди жителей будущего Плотницкого конца, по-видимому, было много некоренных новгородцев¹⁶, в том числе и выходцев из княжеского окружения, подчиненных непосредственно князю, вероятно, в рамках упомянутой в «Уставе князя Ярослава о мостех» Княжей сотни¹⁷. Это население было в какой-то степени противопоставлено жителям «старых» концов, наделенным определенными правами в рамках городской федерации (например, правом избирать из своей боярской среды посадника), которых внекончанское население было лишено. Похожая картина складывалась и на Софийской стороне, где внекончанское население было сосредоточено на месте будущего Загородского конца. По-видимому, противостояние «старых» концов с Плотницким и Загородским «внекончанскими посадами» и явилось одной из предпосылок для образования на месте последних новых кончанских единиц.

Основная масса внекончанского населения северной части Торговой стороны, входившего до формирования Плотницкого конца в Княжью сотню, по характерному для XIII–XIV (?) в. бинарному социальному делению новгородцев на «вячших» («старейших») и «меньших» («молодших», «молодых», «простую чадь»), безусловно, должна быть отнесена к «меньшим»¹⁸.

¹³ Эта территория была заселена уже в конце XI — начале XII в., а регулярным мостовым Коржевой улицы предшествовало продольное, изредка возобновлявшееся нерегулярное замощение проходившей по этой трассе грунтовой дороги. Следует отметить, что соседняя с ней (с юга) Славкова улица уже в конце XI в. имела стандартное городское замощение (Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. С. 227).

¹⁴ Ср.: «Того же лѣта мостиша мость новъ отъ Лубянкѣ во весь конецъ Плотницкой» (ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 446).

¹⁵ Критика известной гипотезы о существовании Плотницкого конца еще в XII в. представлена в работе: Дубровин Г. Е. Численные характеристики исторических событий и время формирования Плотницкого конца Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 223–254.

¹⁶ Разумеется, здесь жили и выходцы из «старых» новгородских концов, в том числе, вероятно, и отдельные представители боярских родов Прусской улицы, которые, поселившись к северу от Плотницкого ручья (где на Никитинском раскопе была обнаружена усадьба Есифа Захарьинича Носа и/или его сына Василия Есифовича Носа) (Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 118–120), в дальнейшем составили ядро плотницкой боярской элиты.

¹⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976 (далее — ДКУ). С. 149, 150, 152; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 86, 89–92, 94–95.

¹⁸ В соответствии с летописными источниками «вячшие» могут быть отождествлены с боярами (НПЛ. С. 81–82) (см. ниже). Возможное присутствие среди внекончанского населения Торговой стороны отдельных прусских бояр не могло принципиально изменить общую ситуацию, так как до образования Плотницкого конца политические амбиции этих бояр, сохранявших тесные связи с Прусской улицей (где у них, судя по более поздним данным (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 340; НПЛ. С. 382), оставались усадьбы), вряд ли могли базироваться на поддержке пока еще ущемленных в правовом отношении будущих плотничан.

Первые признаки такого разделения предстают в летописной статье за 1216 г., когда князь Ярослав Всеволодович в Торжке захватил «старейшие мужи... новгородьстии, и молодыхъ изборомъ»¹⁹.

В 1228 г. против архиепископа Арсения и других городских властей восстает «простая чадь»²⁰. Последний термин, безусловно, близок к «меньшим»²¹.

Бинарное социальное деление жителей города особенно наглядно проявилось в летописных статьях, повествующих об острых конфликтах новгородцев с Александром Невским в 50-е годы XIII в.²²

Так, в 1255 г., после изгнания наместника Александра — его сына Василя и попытки посадить на новгородском столе князя Ярослава Ярославича, сопротивление шедшему с карательной экспедицией на Новгород Александру Ярославичу сосредоточилось на Торговой стороне. Одной из центральных фигур этого конфликта оказался посадник — прусский боярин Онания Феофилактович, выдачи которого вместе с другими своими противниками в ультимативной форме потребовал великий князь. На вече возобладала позиция «меньших», вставших на защиту своего посадника и «за правду новгородскую, за свою отчину». «Вячшие», наоборот, поддерживали Александра и, сосредоточившись на Софийской стороне, по замыслу прусского же боярина Михалки Степановича, собирались ударить на «меньших» со стороны Юрьева монастыря. Кончилось противостояние тем, что «меньшим» пришлось пойти на уступки: посадник Онания был смещен (но не выдан князю), на его место поставлен Михалко Степанович, а Александру Ярославичу возвращен новгородский стол²³.

Здесь нужно обратить внимание на следующие факты.

А) Четкое размежевание позиций «меньших» и «вячших», сопровождающееся сосредоточением противников на различных сторонах Новгорода.

Б) Концентрация «меньших» на Торговой стороне, где находился самый значительный в Новгороде «внекончанский посад» — на месте будущего Плотницкого конца.

В) Безусловная поддержка «меньшими» (по крайней мере, на раннем этапе противостояния) посадника Онании Феофилактовича. С одной стороны, негодный князю посадник, несмотря на неоднозначность своей позиции по отношению к «вячшим» (к каковым он, несомненно, и сам может быть отнесен)²⁴, стал для «меньших» в этой ситуации своеобразным символом

¹⁹ НПЛ. С. 55.

²⁰ Там же. С. 67, 272.

²¹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. № 103. С. 247–248.

²² В актовом материале бинарное социальное деление новгородцев начинает проявляться несколько позднее. Так, «старейшие» впервые появляются в 1264 г. (договор с князем Ярославом Ярославичем: ГВНП. № 1. С. 9), в 1266 г. впервые фигурируют «старейшие» и «меньшие» (проект договора с князем Ярославом Ярославичем: ГВНП. № 2. С. 10; В. Л. Янин этот документ, как и предыдущий, относит к 1264 г.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 142–146). Такое сословное деление новгородцев прослеживается в актовом материале до 1307(8) г. (договор с князем Михаилом Ярославичем: ГВНП. № 17. С. 32–33), с 1448 (1454) г. — бояре, житьи и купцы (жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю: ГВНП. № 95. С. 150; В. Л. Янин датирует этот документ 1450 г.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 323–324), а с 1461 г. — бояре, житьи, купцы и черные люди (ГВНП. № 21. С. 38; датировка по: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 183–184). Последняя формула сохраняется до падения новгородской независимости. Примечательно, что архаичный термин «молодшие» фигурирует наряду с боярами и житьями в некоторых статьях Новгородской Судной грамоты (Ст. 1, 6, 10) (Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. I. С. 304–305).

²³ НПЛ. С. 80–81, 307–308. Подробный анализ этого конфликта с обширной историографической справкой представлен в работе: Лукин П. В. О социальном составе новгородского веча XII–XIII вв. по летописным данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 189–197.

²⁴ Примером здесь служит пресечение посадником Онанией попытки расправы «черных людей» над одним из «вячших» — его родственником прусским боярином и будущим посадником Михалкой Степановичем: «братъе, аже того убиете, убиете мене переже» (НПЛ. С. 81).

антикняжеского сопротивления. Но, с другой стороны, можно предположить, что популярность Онании среди «меньших» отчасти могла базироваться и на существовавших, по-видимому, уже тогда, т. е. в 50-е годы XIII в., связях какой-то части прусского боярства, к которому посадник принадлежал, с «внекончанским посадом» северной части Торговой стороны, в дальнейшем преобразованным в Плотницкий конец, заметную часть боярства которого в будущем составили выходцы с Прусской улицы, в частности потомки самого Онании.

Еще один конфликт, продемонстрировавший социальное расслоение населения Новгорода, произошел в 1259 г., когда татарские послы прибыли в Новгород вместе с князем Александром Ярославичем для осуществления переписи. Началась смута, причем против «числа» выступила в первую очередь «чернь», а татарских послов Александр поручил охранять сыну славенского посадника Михаила Федоровича и «детям боярским». Дело чуть было не дошло до открытого столкновения «меньших» с «вячшими», так как последние требовали «ся яти меншим по числу». На сей раз «меньшие» («чернь») — противники татарского «числа» — сосредоточились у св. Софии. Невзирая на сопротивление «меньших», Новгород все-таки в конечном итоге был переписан татарами под дань²⁶.

Как видим, здесь представлен еще один пример консолидации «меньших», т. е. в данном случае, главным образом, малоимущего (что следует из летописного текста²⁷) и, по-видимому, в значительной своей части внекончанского населения. Сосредоточение «меньших» на этот раз у св. Софии объясняется чисто тактическими соображениями — близостью Торговой стороны к Городищу, где находился князь Александр с дружиной и татарские послы, а кроме того, охранявшие татар новгородские «дети боярские».

Вновь «меньшие» выступают единым фронтом, это свидетельствует о том, что в 50-е годы XIII в. они обладали возможностью организованных действий. Это можно рассматривать как одну из предпосылок для консолидированного движения «меньших» «внекончанского посада» Торговой стороны в направлении формирования на своей территории нового (Плотницкого) конца как равноправного члена городской федерации со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и правом избрания его представителей на посадничество.

Таким образом, во второй половине XIII в. «меньшие», в частности население «внекончанского посада» Торговой стороны, проявляют определенные признаки организованности, позволявшей этой части новгородцев выступать единой политической силой. Данное обстоятельство способствовало дальнейшему естественному продвижению в сторону оформления и конституирования вызревшей в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и выразилось в конечном итоге в формировании новых Плотницкого и Загородского концов.

Безусловно, должна была оказать влияние на процесс образования новых концов и реформа новгородской сотенной системы, проявившаяся, в частности, в выходе из нее «вячших» («старейших»), т. е. бояр.

По мнению В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, сотенное деление для Новгорода является вторичным: в городе прослеживается существование двух административно-территориальных систем, одна из которых — деление города на концы и улицы — уходит корнями в историческую топографию Новгорода и искони была подчинена боярскому управлению. Другая, сотенная, совпадает с обычной организацией княжеского управления в других древнерусских городах.

²⁵ В данной летописной статье и тот, и другой термины используются как синонимы. Здесь же «вячшие» прямо отождествляются с боярами (НПЛ. С. 82). Необходимо еще раз подчеркнуть, что значительную часть «меньших» («черни») в этих событиях, безусловно, составляли жители «внекончанских посадов» Софийской и Торговой сторон.

²⁶ НПЛ. С. 82–83, 310–311. См. также: Лукин П. В. О социальном составе новгородского веча XII–XIII вв. по летописным данным. С. 197–209.

²⁷ «...творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло» (НПЛ. С. 82).

Десять новгородских сотских возглавлялись тысяцким, который представлял купцов, черных и житых людей, т. е. свободное непривилегированное население. Боярские концы и небоярские сотни располагались в городе чересполосно²⁸.

Ю. Г. Алексеев отмечал, что городские сотни, составлявшие в совокупности «тысячу», в Новгороде (как и в других древнерусских городах XII–XIV в.) были территориальным объединением рядовых горожан, сочетавших занятия земледелием с ремесленно-торговой деятельностью. «Старейшие» (бояре), вначале входившие наравне с «молодшими» в сотни, затем вышли из них, что можно расценивать как свидетельство приобретения «старейшими» определенных политических и правовых признаков. По мнению исследователя, выделение социальной верхушки из обычного сотенного деления свободного населения наблюдалось на Руси повсеместно, свидетельством чему являются жалованные грамоты князей²⁹. Однако, сформулировав тезис о выходе «старейших» из сотен в Новгороде, Ю. Г. Алексеев не ответил на вопрос, когда же это могло произойти.

На поставленный вопрос попытался ответить В. А. Буров. Он предположил, что выход «старейших» из сотен произошел между 1189 г. (нижняя возможная дата договора Новгорода с Готским берегом, где все новгородцы названы просто «мужами» без разделения на сословные разряды) и 60-ми годами XIII в., когда в договорных грамотах с князьями начинают упоминаться «все старейшие и все меньшие» (т. е. официально подтверждается бинарное сословное деление). Далее исследователь счел возможным удрежить верхнюю дату этого временного промежутка до 1191 г., т. е. до первого упоминания республиканского тысяцкого Миронег (Милонег) и появления печатей новгородского тысяцкого. Таким образом, время разделения новгородцев на «старейших» и «меньших» и выхода «старейших» из состава сотен по В. А. Бурову может быть отнесено к 1189–1191 г.³⁰

Однако датировка, предложенная В. А. Буровым, вызывает сомнения. В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, послужившей исследователю основой для нижней даты, упоминается тысяцкий Яков³¹, который может быть отождествлен со вторым республиканским тысяцким Якуном Намнежичем, избранным уже после Миронег³². Это обстоятельство противоречит построениям В. А. Бунова, поскольку им за основу был взят тезис о том, что появление республиканского тысяцкого можно считать индикатором свершившегося сословного разделения новгородцев. Но ведь текст именно этой грамоты был использован исследователем для доказательства того, что в момент ее составления указанное разделение еще не произошло, так как здесь все новгородцы без различий названы «мужами». К этому следует добавить следующее: Е. А. Рыбина убедительно доказала, что данная грамота должна датироваться 1191–

²⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 228; *Его же*. Новгородские посадники. М., 2003. С. 158; *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 108–109. Формат статьи не дает возможности привести подробный обзор существующих мнений по поводу новгородской сотенной (децимальной) организации (см.: *Рыбаков Б. А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // ИЗ. М., 1938. Т. 2. С. 144–152; *Куза А. В.* Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 164–167; *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. С. 114–137; *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79; *Кучкин В. А.* Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 318–327; 396–415; 423–425). Наиболее же обоснованная, на наш взгляд, точка зрения на проблему представлена в работе Ю. Г. Алексеева (*Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)).

²⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 254.

³⁰ Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. С. 104.

³¹ ГВНП. № 28. С. 55.

³² Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 173; *Бассалыго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Ч. 1 // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 36–37.

1192 г.³³ Таким образом, можно поставить под сомнение не только датировку, предложенную В. А. Бутовым, но также и его основной тезис о том, что появление республиканского тысяцкого обозначило сословное разделение новгородцев и выход из сотен «старейших» (бояр).

Можно согласиться с тем, что разделение новгородцев на «старейших» и «меньших», выход «старейших» из сотен и появление первых избранных республиканских тысяцких связаны между собой. Другое дело — одновременность указанных процессов. Они были, безусловно, взаимосвязаны, но не обязательно одновременны. Как было показано выше, при первых республиканских тысяцких формальное сословное разделение как будто бы еще не произошло.

Что же касается выхода «старейших» (бояр) из сотен, то письменные источники, скорее, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в первой трети XIII в. в сотни по-прежнему входило все население Новгорода.

Так, в статье Новгородской первой летописи за 1229 г., сообщающей о разгроме славенского посадника Водовика и его сторонников (в частности, боярина Семена Борисовича), говорится о том, что «...добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ по стомъ розделиша...»³⁴. Судя по всему, эта акция была общегородской и, очевидно, проводилась по приговору веча. В таком случае в дележе имущества («добытка») Семена и Водовика должны были участвовать все новгородцы, что, по-видимому, и нашло свое отражение в формуле «по стомъ розделиша». Если предположить, что «старейшие» (т. е. бояре) тогда уже не входили в состав сотен, то получится, что они были устранены от дележа имущества опальных славенских бояр, что вряд ли может быть как-то обосновано.

В качестве аналога этим событиям можно привести случившийся в 1209 г. разгром Мирошкиничей. Тогда «...избытъкъ роздѣлиша по зубу по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить...»³⁵. Судя по всему, характер дележа имущества в обоих случаях был один и тот же, т. е. формулы «по всему городу» и «по стомъ» надо понимать как тождественные.

Таким образом, можно предположить, что в 1229 г. сотенная система еще охватывала все население Новгорода.

В «Церковном уставе князя Всеволода», который, в частности, свидетельствует о передаче торгового суда и контроля над мерами от князя к городу, в статье 15 говорится о дележе имущества нарушителей «Устава»: «...а животь его на трое: треть живота с(вя)тѣи Софии, а другаа треть с(вя)т(о)моу Иваноу, а третья треть сочьскимъ и Новоугородоу»³⁶. Как видим, в данной статье сотские представляют все население Новгорода. Это подтверждает и статья 23: «А та вся дѣла приказахъ святѣи Софии и всемоу Новоугороду, моимъ моужамъ и 10-ти сочьскимъ»³⁷.

В связи с этим большое значение имеет датировка «Устава» и, в частности, статей 15 и 23. С. В. Юшков предположил, что памятник является позднейшей компиляцией, составленной из разнообразных источников, в том числе и подлинного документа времен Всеволода-Гавриила Мстиславича, а также «Устава Владимира» в третьей редакции третьей четверти XIII в. При этом исследователь выделил из текста «Устава» три фрагмента, на которых влияние «Устава Владимира» сказалось в наименьшей степени и которые могли восходить к аутентичной грамоте князя Всеволода. Сюда вошли и статьи 15 и 23³⁸.

³³ Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода. С. 43–48.

³⁴ НПА. С. 70.

³⁵ Там же. С. 51.

³⁶ ДКУ. С. 156.

³⁷ Там же. С. 157.

³⁸ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 216–221; *Его же. Устав князя Всеволода* // Серафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов). М., 1989. С. 358, 364.

По мнению А. А. Зимина, документ представляет собой фальсификат конца XIV в.³⁹

М. Н. Тихомиров считал, что в основе «Устава» лежит подлинник 30-х годов XII в., а более поздние переделки не являются существенными⁴⁰.

В. Л. Янин выдвинул гипотезу о том, что источник «Устава» связан не с Всеволодом-Гавриилом, а с Всеволодом-Петром Мстиславичем (Борисовичем), т. е. конституирование торгового суда было предпринято в конце первой четверти XIII в., а затем в конце XIII в. была осуществлена компиляция первоначального «Устава» с «Уставом Владимира»⁴¹.

Я. Н. Щапов расценивал «Устав» как фальсификат конца XIII в.⁴²

Позднее к этому документу обращался Б. Н. Флоря, который предположил, что установление о торговом суде в «Уставе» относится к 70–80-м годам XII в., а издателем акта является Всеволод Большое Гнездо, не княживший в Новгороде, но фактически правивший им через своих ставленников⁴³.

И, наконец, исследование памятника провел А. А. Гиппиус, который, в основном соглашаясь с выводами Б. Н. Флори, выделил три этапа формирования текста «Устава»: первый — до 1136 г.; второй (по Б. Н. Флоре) — 70–80-х годов XII в. и третий — конца XIII — XIV в.⁴⁴

Таким образом, большинство исследователей сходится на том, что в основе «Устава», окончательный текст которого сложился к концу XIII — началу XIV в., лежит какой-то более ранний документ, датируемый от 30-х годов XII в. (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, А. А. Гиппиус) до 70–80-х годов XII в. (Б. Н. Флоря) — конца первой четверти XIII в. (В. Л. Янин). Т. е. представленный в «Уставе» статус сотенной системы, охватывающей все население Новгорода, отражает ситуацию XII или даже первой четверти XIII в. Последняя дата весьма показательна своей близостью к событиям 1229 г., как будто бы свидетельствующим о том же состоянии новгородских сотен (см. выше).

Самым ранним правовым документом, в котором нашла отражение реформа сотенной системы Новгорода, можно считать «Рукописание князя Всеволода», где возглавляющий торговый суд тысяцкий фигурирует как представитель только житейных и черных людей⁴⁵, а отнюдь не всего населения Новгорода, как раньше сотские.

Относительно датировки «Рукописания» (как и в случае с «Уставом») существуют различные точки зрения. А. А. Зимин считал «Рукописание» фальсификатом конца XIV в., связанным с антимосковской реформой новгородского суда⁴⁶.

М. Н. Тихомиров здесь так же, как и в «Уставе», видел лежащий в основе документ 30-х годов XII в., подвергшийся затем позднейшим переделкам⁴⁷.

В. Л. Янин предложил датировать окончательный вариант «Рукописания» рубежом XIII/XIV в., причем основой для такой датировки, наряду с прочим, послужила денежная терминология памятника. Связывая «Рукописание» с «Церковным уставом Всеволода», исследователь полагал, что оба документа могли быть составлены в окончательном виде в конце XIII — на рубеже XIII/XIV в., причем «Устав» был первичен и послужил основой

³⁹ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 130.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 114–117.

⁴¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 134–135.

⁴² Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972. С. 172–173.

⁴³ Флоря Б. Н. К изучению Церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время. Сб. статей к 60-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 82–94.

⁴⁴ Гиппиус А. А. К истории текста церковного устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы научной конференции. Вып. 17. С. 170.

⁴⁵ ДКУ. С. 161, 164 (Ст. 5).

⁴⁶ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. С. 130.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 114–117.

для «Рукописания», в котором первоначальная идея об организации торгового суда была приведена в соответствие с реальным устройством этого института на рубеже XIII/XIV в.⁴⁸ Позднее В. Л. Янин отмечал, что «Рукописание» «в действительности закрепляет порядок, сложившийся в Новгороде не ранее 2-й трети XIII в.»⁴⁹.

С последним положением трудно не согласиться, поскольку, например, в немецком проекте мирного торгового договора с Новгородом 1268 г. прямо говорится о функционирующем в Новгороде торговом суде во главе с тысяцким и купеческим старостой⁵⁰, что вполне соответствует тексту «Рукописания»⁵¹.

В то же время в проекте договорной грамоты Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем, датированной по В. Л. Янину 1264 г., впервые появляется в дальнейшем традиционная формула «от посадника... и от тысяцкаго... и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣишихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ...»⁵², которую можно рассматривать как прямое свидетельство официального, юридически закреплённого раздельного представительства «старейших» (посадник) и «меньших» (тысяцкий), т. е. реформы сотенной системы. Об этом же, судя по всему, говорят и рассмотренные выше летописные статьи с описанием новгородских «смут» 50-х годов XIII в. с ярко выраженным противостоянием «вчаших» («старейших») и «меньших»⁵³.

Таким образом, можно говорить о том, что реформа новгородской сотенной системы, выразившаяся в выходе из сотен «лучших», т. е. бояр, может быть отнесена к 30–50-м годам XIII в.

Официальное конституирование боярства — высшего сословия новгородского общества (а именно этот процесс отражен в выходе бояр из сотенной системы) — провоцировало определенное правовое ущемление всего остального свободного населения Новгорода. И если на территории «старых» концов, где кончанское и сотенное население проживало чересполосно (по В. Л. Янину и Х. М. Алешковскому)⁵⁴, моменты противостояния могли сглаживаться влиятельным местным боярством, та же ситуация привела к усилению противостояния входившего в Княжюю сотню населения «внекончанских посадов» Торговой и Софийской сторон со «старыми» концами и еще большей степени консолидации населения этих «посадов». Будучи ущемленными в правовом отношении, жители будущих «молодых» концов могли уравниваться в правах с населением «старых» концов, только образовав свои собственные кончанские единицы, которые вошли бы на равноправной основе в городскую федерацию Новгорода. Как видим, реформа сотенной системы создала для этого дополнительные предпосылки.

С проблемой образования новых концов связан и вопрос о кончанском представительстве в высших органах власти Новгорода. Весьма показательным является следующий сюжет. После «пирровой победы» в Раковорской битве (1268 г.) князь Ярослав Ярославич предъявил претензии трем новгородским боярам, по его мнению, виновникам войны с немцами, — Жирославу Давыдовичу, Михаилу Мишиничу и Юрию Сбыславичу, «хотя ихъ лишити волости»⁵⁵.

⁴⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 127.

⁴⁹ Янин В. Л. Уставы княжеские // Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 466.

⁵⁰ *Бассалыго* Л. А. Новгородские тысяцкие. Приложение 1. С. 62. Новгородский проект этого договора, датированный 1269 г., также сообщает о торговом суде тысяцкого (ГВНП. № 31. С. 60).

⁵¹ ДКУ. С. 161 (Ст. 5).

⁵² ГВНП. № 2. С. 10; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 142–146.

⁵³ Летописные сообщения о событиях 1216 и 1228 г. с терминами «старейшие», «молодые», «простая чадь» (НПЛ. С. 55, 67) как будто бы могут свидетельствовать о более ранней дате «сотенной реформы», однако, поскольку об обратном говорит статья 1229 г. (НПЛ. С. 70) (см. выше), то можно предположить, что для первой трети XIII в. была все еще характерна отмеченная Ю. Г. Алексеевым для XII в. неопределенность и собирательность социальной терминологии (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины). С. 246), еще не подкрепленной юридически.

⁵⁴ Здесь отражена ситуация после реформы сотенной системы.

⁵⁵ НПЛ. С. 87–88.

Здесь представлен своеобразный боярский совет, который вместе с погибшим при Раковоре посадником Михаилом Федоровичем, судя по всему, был инициатором неугодного князю Ярославу похода на Раковор. Что же это за совет? По образцу более поздних боярских советов можно предположительно видеть в нем орган с кончанским представительством. Михаил Мишинич, вне всяких сомнений, являлся неревским боярином, посадник Михаил Федорович — славенским⁵⁶. Относительно личности Жирослава Давыдовича ничего не известно. Что же касается Юрия Сбыславича, то, по-видимому, он был сыном героя Невской битвы, а впоследствии и посадника Сбыслава Якуновича⁵⁷. Упоминаются они и среди бояр, взятых князем Михаилом в Чернигов в 1229 г.⁵⁸ Юрий Сбыславич возглавлял новгородское войско во время похода с князем Довмонтом и псковичами на Литву в 1267 г.⁵⁹ Братом его, по-видимому, был убитый под Раковором в 1268 г. Федор Сбыславич⁶⁰.

В. Л. Янин относит отца братьев Юрия и Федора — Сбыслава Якуновича — к прусскому боярству. Основанием для этого послужило летописное сообщение о том, что среди новгородцев, взятых князем Ярославом в Торжок в 1215 г. после убийства Овстрата и Луготы (которых В. Л. Янин считает прусами), был некий Сбыслав⁶¹. Однако в 1217 г. Мстислав Удалой, отправляясь в Киев, берет с собой трех новгородских бояр: Гюргя Иванковича, Сбыслава Степановича и Олексу Путиловича⁶². Почему бы не предположить, что и в летописной статье за 1215 г. (где отчества не указаны) имеется в виду Сбыслав Степанович, а не Сбыслав Якунович? Тем более что и там, и здесь представлены и Сбыслав, и Олекса (в первом случае без отчества, а во втором — с отчествами). И если верно предположение В. Л. Янина, что Ярослав брал с собой в Торжок в 1215 г. именно прусских бояр, то к таковым мог быть с таким же успехом отнесен Сбыслав Степанович, а не Сбыслав Якунович. Кстати, нет полной ясности в том, кто же из этих двух Сбыслов был отцом Юрия и Федора Сбыславичей. Таким образом, территориально-кончанская привязка Юрия Сбыславича остается неопределенной.

Можно, конечно, предположить, что при славенском посаднике Михаиле Федоровиче был боярский совет, в который входили представители от новгородских концов, существование которых в 60-е годы XIII в. не вызывает сомнений, т. е. Людина и Неревского (Славенский представлял сам посадник), а также от Прусской улицы. Если допустить, что тогда уже оформились Плотницкий и/или Загородский концы, то и от них должно было быть какое-то представительство.

В. Л. Янин показал, что начиная с конца XIII в., после преобразования республиканских структур Новгорода и введения одногодичного срока исполнения посадничьей должности, конституировалась элитарная боярская группа, формируемая на основе кончанского представительства, из пожизненных членов которой ежегодно избирался посадник. На рубеже XIII—XIV в. в эту группу входили четыре боярина: Юрий Мишинич от Неревского конца, Семен и Андрей Климовичи от Загородского и Людина концов и, наконец, Михаил Павшинич от Плотницкого конца. В принципе, мог быть и не упомянутый письменными источниками представитель Славенского конца, хотя разгром славенского боярства в 1286—1287 г. надолго отстранил от власти эту кончанскую группировку⁶³.

⁵⁶ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 17.

⁵⁷ НПЛ. С. 293, 449; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 59, 204, 227.

⁵⁸ НПЛ. С. 68, 275.

⁵⁹ НПЛ. С. 85 (Синодальный список). По НПЛ младшего извода — Елевферий Сбыславич (НПЛ. С. 315).

⁶⁰ НПЛ. С. 85, 315.

⁶¹ Там же. С. 54, 263; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 15.

⁶² НПЛ. С. 57, 257.

⁶³ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 17, 21; *Его же*. Новгородские посадники. С. 252—253.

Предполагая существование аналогичной группы (или совета) в 1268 г., мы получим следующую картину: Михаил Федорович от Славенского конца, Михаил Мишинич от Неревского конца, Жирослав Давыдович и Юрий Сбыславич от Людина, Загородского (?), Плотницкого (?) концов и Прусской улицы (?). Т. е. два члена этой группы должны были представлять до трех территориально-административных единиц Новгорода.

Как показывает изученная В. Л. Яниным ситуация конца XIII в., в то время (т. е. начиная с разгрома Мирошкиничей и вплоть до XIV в.) представительство и от Людина конца, и от Прусской улицы принадлежало прусским боярам. Таким образом, получается, что, экстраполируя гипотезу В. Л. Янина об элитарной боярской группе (совете) с территориальным представительством на 1268 г., мы получим, что для плотницкого представителя в этой группе просто не оказывается места, так как Людин конец и Пруская улица тогда уже, безусловно, существовали, а Жирослав Давыдович и Юрий Сбыславич с наибольшей степенью вероятности оказываются прусскими боярами.

Однако дальнейшие события показывают, что группа 1268 г. если и была подобна элитарному совету рубежа XIII–XIV в., то далеко не во всем. Дело в том, что после Раковорской битвы посадничество получает прусский боярин Павша Онаньевич⁶⁴, в боярский совет до этого не входивший⁶⁵. Судя по летописным данным, в битве при Раковоре из этой группы погиб только посадник Михаил Федорович. Экстраполируя более позднюю ситуацию на это время, получаем, что Павша мало того что заменил Михаила в совете, но к тому же был сразу избран в посадники. Однако территориальная принадлежность Михаила и Павши особых сомнений не вызывает. Первый, как уже отмечалось выше, был славенским боярином⁶⁶, а Павша — прусским⁶⁷. Т. е. получается, что гипотеза о фиксированном кончанском представительстве для ситуации 1268 г. не подходит.

Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на то что внешнюю политику Новгорода перед Раковорской битвой наряду с посадником формировали указанные выше три боярина, тем не менее, они еще не образовывали боярского совета (элитарной группы) с четким кончанским представительством по образцу более поздних советов, известных начиная с рубежа XIII–XIV в.

Таким образом, никаких выводов относительно существования в конце 60-х годов XIII в. Плотницкого конца как равноправного члена городской федерации рассмотренный сюжет сделать не позволяет. И хотя прусское боярство в это время выглядит достаточно активным, тем не менее, трудно понять, кого оно представляло на данном этапе истории Новгорода: то ли Прусскую улицу, то ли Прусскую улицу и Людин конец, то ли Прусскую улицу как ядро Загородского конца и Людин конец, то ли все вышеперечисленное плюс Плотницкий конец. Это пока остается без ответа.

Можно лишь еще раз указать на то, что связь определенной части прусского боярства с внекончанским населением северной части Торговой стороны, прослеженная по рассмотренным выше событиям 50-х годов XIII в., и в 60-е годы, по-видимому, сохранялась. Показательно, что именно такой прусский боярин Павша, сын Онании Феофилактовича, и был избран на

⁶⁴ НПЛ. С. 87, 318.

⁶⁵ Нельзя согласиться с В. Л. Яниным, который считает, что Павша Онаньевич входил перед Раковорской битвой в боярский совет (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 220), поскольку в этом случае Ярослав Ярославич должен был бы предъявить претензии и к нему (как к Жирославу Давыдовичу, Михаилу Мишиничу и Юрию Сбыславичу). Кстати, полагая Павшу представителем якобы уже существовавшего Плотницкого конца, исследователь считает, что совет 1268 г. можно рассматривать как территориально-представительный орган, подобный элитной группе рубежа XIII–XIV в. (Там же. С. 221).

⁶⁶ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 17.

⁶⁷ Там же. С. 15. А потомки его были связаны с Плотницким концом (Там же. С. 17, 21).

посадничество после Раковорской битвы. Однако называть его представителем Плотницкого конца было бы преждевременным, поскольку, как уже отмечалось, для этого периода нет еще никаких фактов, определенно свидетельствующих о формировании этой новой территориально-административной единицы городской федерации Новгорода.

Посадничество Павши Онаньевича приходится на конец 60-х — первую половину 70-х годов XIII в. Как упоминалось выше, уже у его отца, посадника Онании Феофилактовича, по-видимому, существовали определенные связи с населением северной части Торговой стороны. Что же касается потомков Павши, в частности Есифа Захарьинича и его сына Василия Есифовича, носивших прозвище Нос, то их связь с Плотницким концом не вызывает сомнений⁶⁸, однако никаких данных о взаимоотношениях самого Павши Онаньевича с населением этой части территории Новгорода нет. Тем не менее именно в период его посадничества начинается активное городское освоение земель Торговой стороны к северу от Плотницкого ручья, что привело в конце XIII в. к образованию здесь нового поселенческого массива, составившего вместе с землями к югу от ручья значительный «внекончанский противовес» Славенскому концу.

Итак, основываясь на всем вышесказанном, попытаемся оценить ситуацию, сложившуюся в Новгороде к концу второй половины XIII в.

С одной стороны, к этому времени уже сформировались предпосылки для образования новых концов:

1. Начавшееся во второй половине XIII в. освоение земель к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья привело к тому, что на Торговой стороне образовался значительный по размерам и населению «внекончанский посад», включивший в себя обе части будущего Плотницкого конца — к югу и северу от ручья. Аналогичный, но меньший «посад» существовал в это время на территории Загородья на Софийской стороне. Наличие двух крупных внекончанских образований на Торговой и Софийской сторонах вошло в противоречие с традиционной «трехкончанской» схемой городской федерации. Выходом из сложившейся ситуации было образование новых концов: Плотницкого и Загородского — и преобразование Новгородской федерации в «пятикончанскую».

2. Население «внекончанских посадов», основная масса которого по бинарному сословному делению того времени может быть отнесена к «меньшим» («молодшим»), на протяжении второй половины XIII в. проявляет определенные признаки организованности, позволившей этой части новгородцев в ряде случаев выступать единой политической силой. Данное обстоятельство можно рассматривать как предпосылку для дальнейшего естественного продвижения в сторону оформления вызревшей в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и привело в конечном итоге к появлению новых кончанских образований.

3. Окончательное официальное конституирование боярства, отраженное в реформе сотенной системы Новгорода 30–50-х годов XIII в., выразившейся в выходе бояр из сотен, обусловило усиление противостояния внекончанского населения, входившего в Княжью сотню, со «старыми» концами и еще большую степень его консолидации. Жители будущих Плотницкого и Загородского концов могли уравниваться в правах с населением «старых» концов, только создав свои собственные кончанские единицы, которые вошли бы на равноправной основе в городскую федерацию Новгорода.

В то же время в конце XIII в. наблюдаются коренные преобразования республиканского правления Новгорода, причем некоторые из них несут в себе признаки существования новых кончанских единиц.

Именно тогда завершается общая реорганизация государственной власти, суть которой сводится к тому, что при сохранении великокняжеского суверенитета над Новгородом из ведения

⁶⁸ Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. С. 118–120.

княжеского аппарата изымаются в пользу республиканского судопроизводства важнейшие вопросы, связанные с земельной и прочей собственностью, а также торговлей, т. е. наряду со смешным судом князя и посадника теперь функционируют суд тысяцкого и преобразованный владычный суд, причем в компетенцию последнего вводятся и гражданские дела, связанные с имущественными отношениями. В. Л. Янин справедливо отмечал, что с момента такого ограничения княжеской власти Новгородское государство приобретает фактическое республиканское устройство вместо двоевластия, сложившегося в XII в.⁶⁹

Тогда же, по-видимому, городская княжеская резиденция — Ярославов двор — переходит от великого князя под юрисдикцию Новгорода, а вместе с тем и Княжая сотня, вероятно, утрачивает свой статус⁷⁰.

Создание республиканской государственности сопровождалось организацией новых форм государственной власти, образованием новых органов и целой разветвленной системы государственного аппарата.

В частности, произошли коренные изменения в новгородском посадничестве. Около 1291 г. был учрежден годичный срок исполнения посадничьей должности⁷¹ и одновременно с этим правящая элита организует государственный боярский совет, состоящий из пожизненных представителей от всех новгородских концов. Из этих представителей и избирался очередной посадник. Если ранее пожизненным было само посадничество, то теперь, когда посадничество стало срочным, пожизненным становится представительство от конца⁷². В. Л. Янин показал, что в конце XIII в. боярский совет состоял из четырех (пяти?)⁷³ членов, что можно рассматривать как свидетельство существования уже в это время двух новых концов. При этом исследователь особо отмечал, что Загородский конец был искусственным образованием, намеренно сформированным прусским боярством около 1291 г., как раз тогда, когда возник вопрос о представительстве в государственной элите (боярском совете)⁷⁴.

На наш взгляд, к этому же времени, т. е. к концу XIII в., можно отнести и формирование Плотницкого конца, а среди причин реформы новгородского посадничества видеть, в том числе, и появление на политической арене новых кончанских образований. Так, по-видимому, одной из причин учреждения кончанского представительства и введения годичного срока исполнения должности посадника стала необходимость увеличения динамики в замещении указанной магистратуры, что формально⁷⁵ создавало большие возможности для занятия высших должностей боярами разных, в том числе и новых, концов. Здесь же и кончанское представительство в элитном боярском совете, включающее делегатов и старых, и новых членов обновленной городской федерации.

Таким образом, можно говорить о том, что в конце XIII в. кроме коренных преобразований республиканского правления Новгорода произошла также и реорганизация новгородской городской федерации, превратившейся из «трехкончанской» в «пяतिकончанскую» за счет появления двух новых территориально-административных единиц — Плотницкого и Загородского концов.

⁶⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 245–250.

⁷⁰ Янин В. Л., Гайдюков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III. С. 100. В частности, одним из доказательств утраты княжеского контроля над Ярославовым двором служит церковное строительство жителей Новгорода на его территории. Самым ранним примером здесь может служить постройка в 1307 г. на Княжем дворе женой Якимя Столбовича каменного храма Святых Отцов (НПЛ. С. 333).

⁷¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 241.

⁷² Там же. С. 243.

⁷³ Неясным для этого периода является представительство в совете разгромленного в 1286–1287 г. славянского боярства (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 252–253).

⁷⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 243–244.

⁷⁵ Именно формально, так как впервые представитель Плотницкого конца, Михаил Павшинич, избирается на посадничество лишь в 1310 г. (НПЛ. С. 92).